

ISSN 2224-5227

2015 • 6

ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫ
ҰЛТТЫҚ ҒЫЛЫМ АКАДЕМИЯСЫНЫҢ
БАЯНДАМАЛАРЫ

ДОКЛАДЫ

НАЦИОНАЛЬНОЙ АКАДЕМИИ НАУК
РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

REPORTS

OF THE NATIONAL ACADEMY OF SCIENCES
OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

ЖУРНАЛ 1944 ЖЫЛДАН ШЫҒА БАСТАҒАН
ЖУРНАЛ ИЗДАЕТСЯ С 1944 г.
PUBLISHED SINCE 1944

Бас редактор
ҚР ҰҒА академигі **М.Ж. Жұрынов**

Редакция алқасы:

хим.ғ. докторы, проф., ҚР ҰҒА академигі **Әдекенов С.М.** (бас редактордың орынбасары), эк.ғ. докторы, проф., ҚР ҰҒА академигі **Әділов Ж.М.**, мед. ғ. докторы, проф., ҚР ҰҒА академигі **Арзықұлов Ж.А.**, техн. ғ. докторы, проф., ҚР ҰҒА академигі **Бишімбаев У.К.**, а.-ш.ғ. докторы, проф., ҚР ҰҒА академигі **Есполов Т.И.**, техн. ғ. докторы, проф., ҚР ҰҒА академигі **Мұтанов Г.М.**, физ.-мат.ғ. докторы, проф., ҚР ҰҒА академигі **Өтелбаев М.О.**, пед. ғ. докторы, проф., ҚР ҰҒА академигі **Пралиев С.Ж.**, геогр.ғ. докторы, проф., ҚР ҰҒА академигі **Северский И.В.**; тарих.ғ. докторы, проф., ҚР ҰҒА академигі **Сыдықов Е.Б.**, физ.-мат.ғ. докторы, проф., ҚР ҰҒА академигі **Тәкібаев Н.Ж.**, физ.-мат.ғ. докторы, проф., ҚР ҰҒА академигі **Харин С.Н.**, тарих ғ. докторы, проф., ҚР ҰҒА корр. мүшесі **Әбүсейітова М.Х.**, экон. ғ. докторы, проф., ҰҒА корр. мүшесі **Бейсембетов И.К.**, биол. ғ. докторы, проф., ҚР ҰҒА корр. мүшесі **Жамбакин К.Ж.**, тарих ғ. докторы, проф., ҚР ҰҒА корр. мүшесі **Кәрібаев Б.Б.**, мед. ғ. докторы, проф., ҚР ҰҒА корр. мүшесі **Локшин В.Н.**, геол.-мин. ғ. докторы, проф., ҚР ҰҒА корр. мүшесі **Өмірсеріков М.Ш.**, физ.-мат. ғ. докторы, проф., ҚР ҰҒА корр. мүшесі **Рамазанов Т.С.**, физ.-мат. ғ. докторы, проф., ҚР ҰҒА корр. мүшесі **Садыбеков М.А.**, хим.ғ. докторы, проф., ҚР ҰҒА корр. мүшесі **Сатаев М.И.**; ҚР ҰҒА құрметті мүшесі, а.-ш.ғ. докторы, проф. **Омбаев А.М.**

Редакция кеңесі:

Украинаның ҰҒА академигі **Гончарук В.В.** (Украина), Украинаның ҰҒА академигі **Неклюдов И.М.** (Украина), Беларусь Республикасының ҰҒА академигі **Гордиенко А.И.** (Беларусь), Молдова Республикасының ҰҒА академигі **Дука Г.** (Молдова), Тәжікстан Республикасының ҰҒА академигі **Илолов М.И.** (Тәжікстан), Қырғыз Республикасының ҰҒА академигі **Эркебаев А.Э.** (Қырғызстан), Ресей ҒА корр. мүшесі **Величкин В.И.** (Ресей Федерациясы); хим.ғ. докторы, профессор **Марек Сикорски** (Польша), тех.ғ. докторы, профессор **Потапов В.А.** (Украина), биол.ғ. докторы, профессор **Харун Парлар** (Германия), профессор **Гао Энджун** (КХР), филос. ғ. докторы, профессор **Стефано Перни** (Ұлыбритания), ғ. докторы, профессор **Богуслава Леска** (Польша), философия ғ. докторы, профессор **Полина Прокопович** (Ұлыбритания), профессор **Вуйцик Вольдемар** (Польша), профессор **Нур Изура Удзир** (Малайзия), д.х.н., профессор **Нараев В.Н.** (Ресей Федерациясы)

Главный редактор
академик НАН РК **М.Ж. Журинов**

Редакционная коллегия:

доктор хим. наук, проф., академик НАН РК **С.М. Адекенов** (заместитель главного редактора), доктор экон. наук, проф., академик НАН РК **Ж.М. Адилов**, доктор мед. наук, проф., академик НАН РК **Ж.А. Арзыкулов**, доктор техн. наук, проф., академик НАН РК **В.К. Бишимбаев**, доктор сельскохозяйств. наук, проф., академик НАН РК **Т.И. Есполов**, доктор техн. наук, проф., академик НАН РК **Г.М. Мутанов**, доктор физ.-мат. наук, проф., академик НАН РК **М.О. Отелбаев**, доктор пед. наук, проф., академик НАН РК **С.Ж. Пралиев**, доктор геогр. наук, проф., академик НАН РК **И.В. Северский**; доктор ист. наук, проф., академик НАН РК **Е.Б. Сыдыков**, доктор физ.-мат. наук, проф., академик НАН РК **Н.Ж. Такибаев**, доктор физ.-мат. наук, проф., академик НАН РК **С.Н. Харин**, доктор ист. наук, проф., чл.-корр. НАН РК **М.Х. Абусейтова**, доктор экон. наук, проф., чл.-корр. НАН РК **И.К. Бейсембетов**, доктор биол. наук, проф., чл.-корр. НАН РК **К.Ж. Жамбакин**, доктор ист. наук, проф., чл.-корр. НАН РК **Б.Б. Каримаев**, доктор мед. наук, проф., чл.-корр. НАН РК **В.Н. Локшин**, доктор геол.-мин. наук, проф., чл.-корр. НАН РК **М.Ш. Омирсериков**, доктор физ.-мат. наук, проф., чл.-корр. НАН РК **Т.С. Рамазанов**, доктор физ.-мат. наук, проф., чл.-корр. НАН РК **М.А. Садыбеков**, доктор хим. наук, проф., чл.-корр. НАН РК **М.И. Сатаев**; почетный член НАН РК, доктор сельскохозяйств. наук, проф., **А.М. Омбаев**

Редакционный совет:

академик НАН Украины **Гончарук В.В.** (Украина), академик НАН Украины **И.М. Неклюдов** (Украина), академик НАН Республики Беларусь **А.И.Гордиенко** (Беларусь), академик НАН Республики Молдова **Г. Дука** (Молдова), академик НАН Республики Таджикистан **М.И. Илолов** (Таджикистан), член-корреспондент РАН **Величкин В.И.** (Россия); академик НАН Кыргызской Республики **А.Э. Эркебаев** (Кыргызстан), д.х.н., профессор **Марек Сикорски** (Польша), д.т.н., профессор **В.А. Потапов** (Украина), д.б.н., профессор **Харун Парлар** (Германия), профессор **Гао Энджун** (КНР), доктор философии, профессор **Стефано Перни** (Великобритания), доктор наук, профессор **Богуслава Леска** (Польша), доктор философии, профессор **Полина Прокопович** (Великобритания), профессор **Вуйцик Вольдемар** (Польша), профессор **Нур Изура Удзир** (Малайзия), д.х.н., профессор **В.Н. Нараев** (Россия)

«Доклады Национальной академии наук Республики Казахстан» ISSN 2224-5227

Собственник: Республиканское общественное объединение «Национальная академия наук Республики Казахстан» (г. Алматы)

Свидетельство о постановке на учет периодического печатного издания в Комитете информации и архивов Министерства культуры и информации Республики Казахстан №5540-Ж, выданное 01.06.2006 г.

Периодичность: 6 раз в год. Тираж: 3000 экземпляров

Адрес редакции: 050010, г.Алматы, ул.Шевченко, 28, ком.218-220, тел. 272-13-19, 272-13-18

<http://nauka-nanrk.kz>, reports-science.kz

Адрес типографии: ИП «Аруна», г.Алматы, ул.Муратбаева, 75

©Национальная академия наук Республики Казахстан, 2015 г.

E d i t o r i n c h i e f

M.Zh. Zhurinov, academician of NAS RK

Editorial board:

S.M. Adekenov (deputy editor in chief), Doctor of Chemistry, prof., academician of NAS RK; **Zh.M. Adilov**, Doctor of Economics, prof., academician of NAS RK; **Zh.A. Arzykulov**, Doctor of Medicine, prof., academician of NAS RK; **V.K. Bishimbayev**, Doctor of Engineering, prof., academician of NAS RK; **T.I. Yespolov**, Doctor of Agriculture, prof., academician of NAS RK; **G.M. Mutanov**, Doctor of Physics and Mathematics, prof., academician of NAS RK; **M.O. Otelbayev**, Doctor of Physics and Mathematics, prof., academician of NAS RK; **S.Zh. Praliyev**, Doctor of Education, prof., academician of NAS RK; **I.V. Seversky**, Doctor of Geography, prof., academician of NAS RK; **Ye.B. Sydykov**, Doctor of Historical Sciences, prof., academician of NAS RK; **N.Zh. Takibayev**, Doctor of Physics and Mathematics, prof., academician of NAS RK; **S.N. Kharin**, Doctor of Physics and Mathematics, prof., academician of NAS RK; **M.Kh. Abuseitova**, Doctor of Historical Sciences, prof., corr. member of NAS RK; **I.K. Beisembetov**, Doctor of Economics, prof., corr. member of NAS RK; **K.Zh. Zhambakin**, Doctor of Biological Sciences, prof., corr. member of NAS RK; **B.B. Karibayev**, Doctor of Historical Sciences, prof., corr. member of NAS RK; **V.N. Lokshin**, Doctor of Medicine, prof., corr. member of NAS RK; **M.Sh. Omirserikov**, Doctor of Geology and Mineralogy, prof., corr. member of NAS RK; **T.S. Ramazanov**, Doctor of Physics and Mathematics, prof., corr. member of NAS RK; **M.A. Sadybekov**, Doctor of Physics and Mathematics, prof., corr. member of NAS RK; **M.I. Satayev**, Doctor of Chemistry, prof., corr. member of NAS RK; **A.M. Ombayev**, Honorary Member of NAS RK, Doctor of Agriculture, prof.

Editorial staff:

V.V. Goncharuk, NAS Ukraine academician (Ukraine); **I.M. Neklyudov**, NAS Ukraine academician (Ukraine); **A.I. Gordienko**, NAS RB academician (Belarus); **G. Duca**, NAS Moldova academician (Moldova); **M.I. Iolov**, NAS Tajikistan academician (Tajikistan); **A.E. Erkebayev**, NAS Kyrgyzstan academician (Kyrgyzstan); **V.I. Velichkin**, RAS corr.member (Russia); **Marek Sikorski**, Doctor of Chemistry, prof. (Poland); **V.A. Potapov**, Doctor of Engineering, prof. (Ukraine); **Harun Parlar**, Doctor of Biological Sciences, prof. (Germany); **Gao Endzhun**, prof. (PRC); **Stefano Perni**, Doctor of Philosophy, prof. (UK); **Boguslava Leska**, dr, prof. (Poland); **Pauline Prokopovich**, Doctor of Philosophy, prof. (UK); **Wójcik Waldemar**, prof. (Poland), **Nur Izura Udzir**, prof. (Malaysia), **V.N. Narayev**, Doctor of Chemistry, prof. (Russia)

Reports of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan.

ISSN 2224-5227

Owner: RPA "National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan" (Almaty)

The certificate of registration of a periodic printed publication in the Committee of Information and Archives of the Ministry of Culture and Information of the Republic of Kazakhstan N 5540-Ж, issued 01.06.2006

Periodicity: 6 times a year

Circulation: 2000 copies

Editorial address: 28, Shevchenko str., of.219-220, Almaty, 050010, tel. 272-13-19, 272-13-18,

<http://nauka-nanrk.kz/> reports-science.kz

Address of printing house: ST "Aruna", 75, Muratbayev str, Almaty

© National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan, 2015

REPORTS OF THE NATIONAL ACADEMY OF SCIENCES
OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

ISSN 2224-5227

Volume 6, Number 304 (2015), 149 – 160

UDC 1(091), 101.9

THE LIMITS OF KAZAKH PHILOSOPHY: FROM ABAI TO SHAKARIM

A.N. Nisanbayev¹, E.B. Sydykov², E.A. Kurmanbayev³
iphp@inbox.ru, rector@enu.kz, erbol_k@bk.ru

¹ Institute of Philosophy, Political Sciences and Religious Studies of Committee Science of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan, Almaty

² L. Gumilyov Eurasian National University, Astana

³ Kazakh Humanitarian Juridical Innovative University, Semey

Key words: national philosophy, Kazakh philosophical tradition, existentialism, Abai, metaphysics, Shakarim.

Abstract. The Kazakh national philosophy is discrete, mosaic, autonomous, though distinctive at its origins. Dating back centuries, it has been forming in the oral mythopoetic tradition of the ancient Turks. It existed in the nomadic society, mainly in oral form. Not until the middle of the XIX century, published works of Kazakh thinkers began to appear regularly, and the philosophical tradition turned to the written area. The turning era was shaped, first and foremost, by the presence of Abay and Shakarim who revealed distinct ontology and metaphysics of global connections in the Kazakh nomadic world. Tragedy of "the changing times" predetermined the existential modus of philosophy, by extending it to the information age. It may be necessary to prolong the philosophical tradition in the original systems. But, it is impossible to reach the general philosophical discourse without going through the bottle neck, not overcoming the field of the tradition's gravity, the charm of doctrines of Abay and Shakarim.

УДК 1(091), 101.9

ПОЛЯ КАЗАХСКОЙ ФИЛОСОФИИ: ОТ АБАЯ К ШАКАРИМУ

А.Н. Нысанбаев¹, Е.Б. Сыдыков², Е.А. Курманбаев³

¹ Институт философии, политологии и религиоведения Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан, г. Алматы

² Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева, г. Астана

³ Казахский гуманитарно-юридический инновационный университет, г. Семей

Ключевые слова: национальная философия, казахская философская традиция, экзистенция, Абай, метафизика, Шакарим.

Аннотация. Казахская национальная философия дискретна, мозаична, автономна, притом самобытна в началах. Уходя вглубь веков, формировалась в устной мифопоэтической традиции древних тюрков. И существовала в кочевом обществе в основном в устной форме. Лишь с середины XIX в. стали систематически появляться печатные работы казахских мыслителей, и философская традиция перешла в письменную сферу. Переломную эпоху формировало, прежде всего, присутствие Абая и Шакарима, раскрывающее самобытную онтологию и метафизику глобальных связностей мира казахского кочевья. Трагедия «эпохи перелома» предопределила экзистенциальный модус философии, продлив его в век

информационный. Возможно, следует длить философскую традицию в самобытных системах. Но в поле общего философского дискурса не выйти, не пройдя горловину, не преодолев поле тяготения традиций, обаяние учений Абая и Шакарима.

Европейская философская традиция, пестуя универсализм, предпочитает дистанцироваться от понятия «национальная философия», считая невозможным существование особых национальных философий. А их, по сути, и нет. Есть национальные философские традиции. Философия всегда имеет национальные корни. Сократ мыслил на национальной почве, стал философом мира. Задавал грекам вопросы о вечном. Кто есть человек? что есть жизнь? что есть смерть? Хайдеггер читал лекции о бытие и времени всему миру, не отрываясь от немецкой почвы. Аль-Фараби, мусульманский философ, мыслил на арабском, но континентальный масштаб присутствия, надо полагать, опосредован тюркскими корнями.

Любая целостная национальная философская традиция имеет претензию стать универсальной философией. Лишь бы имелась потребность, а она есть. Нация, государство, народ не могут состояться без философии, без философского осмысления мира, культуры, человека, тайн познания. Только философское осмысление вооружает современными инструментами жизнедеятельности и познания.

Казахская философская традиция продолжительна, дискретна, мозаична, автономна и, как следствие, самобытна в началах. Уходит вглубь веков, возвращается в текстах, высеченных в камне, сохраненных в уникальной системе устного хранения информации. В сумме понятие границ (полей) национальной философии несколько аморфно. Следовало бы сначала очертить территорию. Но отграничивать приходится не хронотоп, а традиции. Мы можем брать отсчет от древних тюрков, длить казахскую философскую мысль в метафизику кочевья, объемя духовный опыт жырау, акынов, салов-сери. Мышление степного человека легко преодолевает бытийность, восходя к философским осмыслениям в устной мифопоэтической традиции.

В принципе, каталогизация прошлого – обязательная процедура. Однако рассмотрим прежде методологические аспекты феномена национальной казахской философии.

Казахская экзистенция: опыт одиночества

Философская традиция существовала в кочевом обществе в основном в устной форме. И казахская философия была мало известна миру по той же причине, по какой устная литература редко становится объектом чувственной и интеллектуальной апперцепции познающих индивидов, несмотря на универсальность человеческого опыта, означающую равный интерес ко всем культурам и обществам. Строго говоря, устное творчество не литература в устоявшемся понимании, поскольку может не нуждаться ни в буквах, ни в письменах. Но неприятие более фундаментально и концептуально, ибо мир кочевья, актуализатор устной традиции, замкнутый в себе и в безбрежной, сродни океану, степной стихии, не отвечает, с позиций оседлых культур, объективной упорядоченности мира. Дело не в традиции устной литературы, которая легко трансформируется в письменную в фазе контакта и далее в седентаризационный период, и не в языковом барьере, а в нюансах мироощущения, в метафизике объекта познания и экзистенциальном характере рефлексивной системы кочевого мировосприятия, с одной стороны, в инвариантной установке познающего субъекта на целостность универсальных законов, независимо от их соблюдения или несоблюдения, и на объективность знаний, принятых в объектном социуме, с другой стороны.

Но с середины XIX в. стали систематически появляться печатные работы казахских мыслителей. В сущности, это водораздел. Потому что возникла особая зона, доступная дискуссиям. Казахская философская традиция перешла в письменную сферу. Сразу после кончины Абая был издан сборник его стихов. Шакарим опубликовал свои стихи и поэмы в виде нескольких книг, выпустил в 1911 г. на собственные средства в Оренбурге знаменитую книгу «Родословная тюрков, киргизов, казахов и ханских династий». Именно в стихах и философской прозе Абая и Шакарима наиболее отчетливо, системно стала раскрываться метафизика глобальных связностей кочевого мира.

В принципе интеллектуальное пространство казахской философской мысли не ограничивается личностями Абая и Шакарима. Скорее, можно говорить о некоем сужении хронотопа до размеров тесного ущелья. Там, вверх по течению столетий, застыли громадой фигуры создателей древней

философской традиции. А здесь, в горловине, выделяются Абай и Шакарим.

Почему именно они? Самое простое объяснение – несомненный талант творцов, магия слова, безусловно, целостное, системное мышление в философском осмыслении проблем. Но важнее экзистенциальный модус присутствия, онтологическое прояснение повседневного бытия-в-мире кочевья. Именно экзистенциальная сущность казахской философии самобытно представлена в творчестве Абая Кунанбаева, почитаемого за национальный эталон мудрости [1]. Его знаменитая «Книга слов» сформировалась после нападения на него сородичей во время выборов волостного управителя в Чингистау в 1898 г. Поэт остался жив, заговорщики в порядке извинения пригнали в аул Абая скот, который он тотчас вернул обратно. История закончилась вроде бы благочестиво, но в сердце Абая оставила незаживающую рану. И он писал в Слове девятом: «Я сам казах. Люблю я казахов или не люблю? Когда б любил, одобрил бы их нравы, нашел бы в их поведении какую-нибудь малость, что принесла бы мне радость или утешение, позволила бы довольствоваться не теми, так иными их качествами, и не померкла бы надежда моя. Но нет этого. Когда б не любил, не стал бы говорить с ними, делиться сокровенными мыслями, советоваться, входить в их круг, интересоваться их делами, спрашивая “что там делают, что происходит?”», полеживал бы себе спокойно, нет, – так вовсе откочевал бы от них... Поэтому в груди у меня сейчас – пустота. А вообще думаю: может, оно и к лучшему? Умирая, не буду страдать: “Увы, не привелось изведать еще такой-то радости!..” Не терзаясь сожалениями о земном, утешусь надеждой на предстоящее» [2, с. 157].

Экзистенция Абая самобытна и неповторима, не похожа ни на какое переживание не столько потому, что уникальна степь – месторазвитие трансцендентного духа, сколько по причине беспрецедентной жесткости национальной критики, аналогов которой в мировой литературе, возможно, и нет. Она кристаллизована в емких фрагментах: «Казахи не сходны ни с одним другим народом в своем стремлении к богатству, в поисках знаний, постижении искусства, в проявлении чувства доброжелательности, силы, хвастовства или враждебности. Мы враждуем, разоряем друг друга, следим друг за другом, не давая ближнему своему и глазом моргнуть. Неужели нам так и жить, подстерегая друг друга, оставаясь ничтожнейшими из всех народов на земле? Или все-таки наступят светлые дни, когда люди забудут воровство, обман, злословие, вражду и устремятся к знаниям, обучатся ремеслу, начнут добывать богатства честным, достойным путем. Вряд ли наступят такие дни. Сейчас на каждые сто голов скота зарятся двести человек. Разве они утихомируются, пока не уничтожат друг друга?» [2, с. 184].

Абай не был первооткрывателем критического модуса, который был достаточно широко распространен в кочевом обществе. Но сила простых мыслей, обязанная исключительно совершенству духовного зрения, была такова, что частные заметки о нравах близких сородичей превратились в национальный манифест. Привыкший ничего не принимать на веру, он переплавлял народный опыт в личной судьбе. Мощь художественного слова влекла обобщение. И получилась «Книга слов» не о бытие-в-мире Абая, а обо всей нации, о казахской судьбе, боли, прозрении, страданиях и горьком счастье.

Но было бы слишком просто полагать, что происшествие 1898 г. необратимым образом повлияло на творческое состояние поэта и послужило причиной безвозвратного разочарования в народе и ухода из жизни. Происшествие происшествием, однако крепить узы национального единства входило в обязанности Абая, неформального лидера рода Тобыкты [3]. И он пошел на примирение с напавшими на него соседями, первым опровергая тезис о враждебном отношении казахов друг к другу. Собственно, предки, да и он сам, только и занимались тем, что помогали сородичам и учили их взаимопомощи.

Тогда в чем смысл беспощадной критики, составившей основу прозаического сборника Абая? В «Книге слов» содержится бросающееся в глаза противоречие: Абай отчетливо говорит об одиночестве, хотя рядом всегда была родня, за ним шли ученики, его никогда не покидал пылкий поклонник и верный последователь Шакарим. А на больших народных собраниях Абая всегда ждала горячая встреча почитателей, не говоря об обязательном присутствии завистников и недругов. Равнодушия не было. Однако он с отчаянием глядел в бездну, задыхаясь, словно от удущья. «В груди у меня пустота, – писал он. – Все чужое!» Даже Шакарим, уединившийся в Саят-кора, не чувствовал себя таким одиноким.

О каком отчуждении печалился Абай? О физическом одиночестве, понятно, не могло быть и

речи. Был ли мыслитель одинок в критическом настрое, когда никто другой не мог бы, как он, пристрастно взглянуть на окружающую жизнь, увидеть ее безысходность, прочувствовать безнадежную тоску? Пожалуй, нет, в степи всегда хватало творческих личностей, в самых разнообразных стилях и жанрах высмеивавших мелочность алчных и скаредных индивидов. Прямота и откровение не считались героизмом. Честность и критичность были, скорее, долгом и обязанностью сказителей, сочинителей, лучших ораторов и биев.

А вот в чем Абай ушел далеко вперед, так это в понимании сущего и происходивших перемен в «эпоху скорби», когда рушились гармоничные традиции и людьми управляли инстинкты. За беспощадной критикой скрывалась жгучая тоска по царству духа, бытовавшему в прежние времена, но грозившему исчезнуть навсегда. У казахов и при родовом управлении, до прихода в степь российского администрирования, периодически происходили ссоры между родами за обширные земельные площади. Бывали, естественно, споры и внутри родов между аулами за конкретные выпасы. Однако родовая структура управления веками с успехом справлялась с конфликтными ситуациями, да и случались они не чаще, чем у любого другого народа на планете. Но после деления земель на волости с введением выборной должности волостного управителя прежняя родовая структура обрушилась. И началась борьба за должности волостных. Она ожесточила сердца кочевников и сделала враждебные отношения обиходными.

Вот эту метаморфозу и пытался осмыслить Абай, прекрасно понимая, насколько незаслуженна недобрая склочная слава. Он высмеивал пороки сородичей, но не возлагал на них вину, не пытался переложить ответственность за свое неодолимое отчаяние. И, как герои произведений Сартра, Камю, чувствовал себя вытесненным объективными разрушительными силами из родной среды – традиционного мира кочевья. В экзистенциализме индивид, отчуждаемый от самого себя новыми социальными отношениями, направляет силы на поиски исторической самобытности, зачастую выпадая из общественной структуры и господствующей системы взглядов. В пределе поисков он впадает в непоправимое одиночество, сродни жестокому разочарованию Абая. Но даже в таком состоянии решиться на мощную интегрирующую критику мог только нетривиальный ум. Абай говорил обидные для казахского самосознания слова, несмотря на то, что с каждым днем бытие как присутствие становилось все более одиноким и трудным. Он звал народ на разговор, повинуюсь жгучему отчаянию, опалявшему душу. Но диалога не возникало. Его мысль ушла вперед, и за нею не мог поспеть никто – ни домашний круг, ни Шакарим, которому еще предстояло подняться до философского осмысления перемен. Именно поэтому Абай чувствовал себя бесконечно одиноким среди людей, переламывая потаенное, осмысляя бытие как трансцендентное присутствие.

Экзистенциальная интонация казахских мыслителей, их поиски смысла и высочайшей правды близки, скорее всего, русским философам, которых, в отличие от западных интеллектуалов, больше волновали не проблемы логики и рационального познания мира, а тревоги и надежды души. Философствование есть постоянное восхождение от чувственного восприятия к познанию первопринципов, первопричин. Это бытие и небытие, жизнь и смерть, истина и заблуждение, добро и зло, счастье и страдание. Абай, погруженный в думы об исторических судьбах, вопрошал: «Кому из нас не приходилось бывать в беде? Теряет надежду только слабый. Верно, что в мире нет ничего неизменного, но ведь и зло не вечно. Разве после суровой зимы не приходит полноводная, цветущая весна?». Вот почему в отличие от «неподлинного» существования, в которое бросается человек, оставшийся наедине с бытием, «самость» Абая несокрушима и продуктивна. Она служит источником не только самостоятельности индивида, но и самобытности нации в историческом развитии.

Традиция метафизического вопрошания

Метафизика бытия казахов, закодированная прежде в устной традиции в виде канонических правил кочевья, похожих на заклинания, в простой и ясной форме раскрывается в стихах и философской прозе Шакарима. Следуя традиции вопрошания, он задавался самобытными вопросами, которые, собственно, и были ключом к ответам, содержащимся в его стихах, поэмах, философской прозе.

Известный пример: в 1912 г. Шакарим послал из Чингистау в журнал «Айкап», издававшийся на казахском языке в в России, в Троицке, на Южном Урале, письмо с таким заглавием: «Прошу ответить на мои пять вопросов». Письмо короткое, вопросы просты и метафизичны, как в любом начале.

«Вопросы мои не обычные загадки, – писал Шакарим. – К ответам прошу аргументов, почерпнутых из религиозных книг. Хотелось бы, чтобы они были разумны и настолько убедительны, что останется только принять их. Прошу писать кратко, разборчиво, доступным языком либо через редакцию «Айкап», либо мне по указанному ниже адресу. Думаю, вопросы принесут пользу народу. Если согласны, не пожалейте семи копеек для ответа.

Вот пять вопросов.

1. Какую цель преследовал Аллах, когда создавал человека?
 2. Что для человека самое важное в жизни?
 3. Верите ли вы в то, что после смерти людей ожидают или наслаждение, или муки?
 4. Самый хороший человек – какой он?
 5. На ваш взгляд, с течением времени человечность в людях повышается или вырождается?
- Как бы вы ни ответили, не забудьте привести доводы» [4].

Редукция к метафизике более всего уместна в самобытной философской системе, не обремененной усложнением. Но и собственно философия периодически будет возвращаться к метафизике хоть в какой-то мере, чтобы вернуть себе место метанауки, изучающей не только человеческое мышление, но и всеобщие законы развития мира. Исторически пренебрежение к метафизике было обеспечено феноменологией духа Гегеля, провозгласившего замену метафизики объективной логикой, которая и должна была возвести философию в ранг метанауки, рассматривая «чистые формы мысли» свободными от «особенных субстратов», заимствованных из области представления (речь о таких «субстратах» как душа, мир, Бог) [5].

В «первородных», а потому тривиальных, вопросах Шакарима важны ответы, которые подразумевает его философия. Проясняя собственную философскую систему, он в одиночестве взвешивал ее в стихах и прозе вне какой бы то ни было социальной структуры духовного производства, тестируя даже самые простые положения эпистемологии. Не было сомнений только в том, что именно Бог создал человека. Потому и теорию Дарвина он подвергал критике в книге «Три истины»: «Имея в виду Первосоздателя, никакой здравый ум не будет оспаривать того, что все живое появляется, существует, видоизменяется по законам природы. Но мое сознание не принимает настойчивых утверждений о том, что все схожее зародилось одно от другого, а потом лишь видоизменялось. Когда земля не была пригодной для появления растений и животных, твердая основа и вода в единой массе смешались со всем вокруг. Так были созданы условия для зарождения растений и животных, которые развивались схожими, отдаленно схожими или вовсе не схожими, в зависимости от соотношения земли, воды, воздуха. Но по Дарвину и Менделю получается, что растения зародились друг от друга, и только в последующем видоизменились. Вывод мой таков: правда, что у всего на свете одни прародители. Правда и то, что, исходя от них, все меняется. Но не так, что все схожее происходит друг от друга, видоизменяясь» [6].

Впрочем, вопрос Шакарима глубже: зачем Аллах создал человека? (То есть мог и не создать?) Ответов может быть множество, но интересно, что думал на сей счет автор вопроса. По его суждению Бог создал человека из благих намерений, но тот погряз в жестокости, алчности, коварстве и зле. Человек несовершенен. Шакарим не смог найти среди живущих чистого разумом индивида, потому реплицировал в стихах другие вопросы: «Книжники стенают в текстах, в кои веки / Мыслью землю охватить стремясь, навеки / Чтоб исправить жизнь людей. Но мне ответьте, / Есть ли справедливость, совесть в человеке?». Мыслящий затворник полон сомнений. Раздумья в одиноком охотничьем домике на склоне горы в Чингистау – не бесплотный мыслительный акт бытового содержания, хотя и оно отражает принадлежность к определенной культуре, аккумулировавшей опыт нескольких тысячелетий развития кочевой цивилизации, отнюдь не «задержанной» (по А. Тойнби), не «абортивной», но самобытной и автономной, пусть не автаркичной, но и не идентичной по способу хозяйствования и ареалу обитания цивилизациям оседлым – городским и земледельческим. Его раздумья, как отражение определенного времени и забот конкретного общества, обладают культурной плотностью, несут черты событий, сотрясавших казахскую степь. И за вопросами кроется все смутное и тайное, что несет в себе человек по воле Всевышнего. Бог дал ему разум. Чистый объект разума – истина. Стало быть, Бог создал человека, чтобы он познал истину. Но сколько людей ушло, так ее и не познав. В отчаянии Шакарим и адресовал вопрос читателям: зачем Бог создал человека? Конечно, не затем, чтобы

была разгадана загадка. В ней, собственно, и хранится тайна Бога.

Второй вопрос Шакарима, по сути, сводится к эффемизму «в чем смысл жизни?». Самый простой ответ: в том, чтобы жить. Каждый человек – проект Бога, все пришли в этот мир за своим счастьем. Но мыслитель, движимый, как и другие самобытные интеллектуалы кочевья, просветительским абсолютизмом, ставил проблему шире. «Жизнь – исчезающий атрибут души», – говорил он. Свято верил, что жизнь зависима от души, и прекращается, когда душа покидает тело: «Душа может обрести тело, но плоть не создаст души». Задача поэта – хранить гармонию присутствия. И он искал смысл жизни во имя истины, разума, добра, особенно во имя человека. Казалось, знал ответ. Во всяком случае, имел версии. Если человек послан на землю Богом, то должно иметь место предопределение. А если все в жизни предопределено, то к чему слова, какая нужда ставить вопросы? И тогда в глубине сознания рождается ответ, как послание Бога: загадка жизни – лишь часть тайны, которая именуется вечностью. Ответ, адекватный метафизической сути казахской души.

Третий вопрос Шакарима маскирует сомнение, которое вроде бы не подобает демонстрировать верующему. На самом деле его мало волновало, куда попадет человек – в ад или рай. Есть ли жизнь после кончины? – вот вопрос бытийного ряда. Жизнь и смерть, жизнь после смерти – таковы силовые линии основного противоречия метафизики. И он писал: «Рожденье, смерть – судьбы святая простота, / В середине – жизнь, а за краями – пустота. / Меж двух миров небытия – мираж, / Что именуется жизнью чья-то щедрота». Он вроде бы определился, что жизнь поэта – это поэзия. Обнаружил спасительную форму метемпсихоза – перевоплощения после смерти в поэтическую строку: «Я уйду – останется / Слово на белом глянце. / Молодежь его возьмет, / По аулам разнесет». Или: «Кану я, но будут жить стихи, / Молодые все запомнят до строки...» Но все равно сомневался, какая жизнь истинна: та, которую проживаем, или та, которая ждет на небесах. Сократ решил проблему легко, уверяя, что умерших ждет будущее, которое «неизмеримо лучше для добрых, чем для дурных» (Федон, 63). Шакарим, подавляя логическое умополагание, предпочитал твердо верить в жизнь после смерти. Поддавался очарованию учения о переселении душ. Не соглашался с рациональными соображениями Шопенгауэра, но не принимал на веру и доводы идеализма. Предпочитал мыслить о том, что в любом человеке в каждый миг заключено все прошедшее и грядущее. Жизнь не так одномоментна, как полагают идеалисты. Прошлое неисчерпаемо, а будущее бесконечно. Значит и жизнь после смерти умопостигаема, во всяком случае в пределах веры.

Как меняется со временем человечность в людях? – протоколирует далее Шакарим. Ответ подразумевается. Все в человеке может меняться как в хорошую сторону, так и в плохую. Что в итоге перевесит и одержит верх, зависит от обстоятельств. В жизни всегда можно найти примеры и духовного обнищания, и проявления высокого. Полностью избавиться от дурных наклонностей невозможно. Причина в человеческом, по терминологии Шакарима. Он был убежден в абсолютном значении духовных ценностей. Но пугало случившееся в казахском обществе на исходе XIX в. и продолжившееся в XX в. нивелирование когнитивной функции. Предчувствие катастрофических перемен, влекущих слом традиционного уклада жизни, заставило его обратиться к проблеме человечности, и он беспокойно формулировал этот в общем-то известный вопрос, задавая «вечный» нравственный вектор: человек должен развивать лучшие качества и стремиться к совершенству.

Философия казахского отшельничества

Последний вопрос анкеты Шакарима о хорошем, то есть идеальном, человеке продиктован экзистенциальной тревогой о грядущем одиночестве, метафизическим беспокойством за тех, кто остается. Реальность жестока. Окружающие, на взгляд поэта, «дьявольски завистливы, объаты ложью». Написанное в 1915 г. стихотворение «Что есть человек?», больше похожее на научный трактат, отражает, конечно, неприятие Первой мировой войны: «Но подумай, люди все – родные братья, / И сражаются с какой, скажи мне, стати. / В диком состоянии живут народы / Почему? – отказываюсь понимать я. / Сверх того идет по тем же зверьим тропам / Просвещенный, кажется, народ Европы». Вывод в феноменологическом срезе очевиден: мир плох, ибо все еще тонет в древнем естестве. А значит, нуждается в идеале, который мог бы послужить ориентиром. Критерии мыслителю известны: «Вот чем должен обладать настоящий человек: / Скромность, вежливость, любезность, честный труд навек». Обретенный опыт подсказывал: идеальных людей

не бывает. Можно попытаться найти ответ в формате религии. Однако и здесь есть трудности. С точки зрения доминирующей в степи религии, идеальный человек должен быть, понятное дело, мусульманином. Но никакая религия, по мнению Шакарима, не может претендовать на абсолютное превосходство: «В мире тьма религий свилась, / Ни одна не утвердилась. / Вызывают все тревогу, / Коль их стало слишком много». Поиск нескончаем, как и путь к совершенству. Человек верующий должен постоянно стремиться к совершенству, очищая сердце и постигая Бога. На этом пути заблудшему уготовано прощение, но при некоторых условиях: он должен утишить страсти, обуздать вожделения, практиковать умеренность согласно чувственному и интеллектуальному опыту познающего и мыслящего обитателя степи. И такой богонравный и благонамеренный человек походит на «хорошего человека» Шакарима.

Достижим ли в реальности подобный идеал? Можно ли в обыденной жизни сохранить чистоту помыслов, если обман, пусть мелкий, всегда присутствует в со-бытии, со-существовании? Допустим, можно обуздать свои чувства. Но как быть с переживаниями других, с их страданиями, обидами, порывами, с культом традиций, с сентиментальностью, присущей даже суровым батырам. Каждый казах – человек сердца, чувствительная натура, искренняя душа, которая жаждет совершить добро и понять Вселенную.

Шакарим сознавал некоторую натянутость определений и понимал, что одними призывами невозможно тотчас направить людей к идеалу. Значит, остается одно – самому пройти путь. Очистить сердце и познать Бога. Достичь совершенства и приблизиться к идеалу. Только тогда другие потянутся вслед к истине, придут к подлинной вере.

Вот почему в 54 года Шакарим ушел от людей и от власти, сеющей одни беды. Поселился посреди безлюдной степи, чтобы стремиться к истине. Решил изменить мир, изменив всего лишь себя, сделать мир совершеннее, став более совершенным самому. Понимал противоречия действительности, но в любом индивиде видел те начала, которые могут сделать человека счастливым. Неустанно призывая сородичей изживать мракобесие невежества, Шакарим, по его собственным словам, чувствовал себя хуже нищего, который просит подаяние, ибо не находил отклика в народе. Выход из одиночества нашел в том, чтобы перейти в еще большее одиночество. И неожиданно ушел в отшельничество, чтобы жить и творить в заснеженных горах, в еще более жестоких природных условиях [7]. Дал поступку поэтическое объяснение: «Говорят, что я отрекся от жены, / От родных, детей, что все поражены, / Что умру я как Толстой, все говорят, / Что мозги бродягам старым не нужны. / Быть таким же, как Толстой – мечта моя. / Не надейтесь, не терял рассудка я. / Нет, понять вы не способны мой секрет, / Шел не смерть искать в пустынные края. / Просто дом не место для серьезных дум, / Пища не идет под думы наобум, / Мысли-ягоды я буду собирать / До кончины. Пусть судачит тугодум».

Таким путем шел Будда, им хотел пройти Толстой, но не успел. Шакариму были ведомы предтечи, и он сознательно ушел в степь, чтобы отдаться духовной жизни. Какие творения рождались в отшельничестве? Разные – от простых, ясных и чистых откровений до сложных философских трудов. Слагал стихи: «Жизнь – это сон, и разве даст / Она покой без сновидений, / Без боли, слез, без веры в нас, / Без миражей своих внушений? / Но, сон за истину приняв, / Нам можно ль правде изменить? / И разве можно честь забыть, / Все силой у людей отнять?». Он писал так, не имея, конечно, перед глазами аналогов, таившихся под спудом мировой истории, ибо источники доступны не были. Еще в 1635 г. испанец Кальдерон написал пьесу «Жизнь есть сон». Примерно тогда же Шекспир вывел в одной из пьес: «Мы созданы из той же материи, что наши сны». Джордж Беркли утверждал, что всемирная история – это долгий сон Бога, который творит ее вечно. А значительно раньше, в конце XII века, Вальтер фон дер Фогельвейде вопрошал: «Увы, промчались годы, / сгорели все дотла! / Иль жизнь мне только снилась? / Иль впрямь она была?». То есть Шакарим не был первооткрывателем метафоры «жизнь – это сон». Не мог знать ничего о предшественниках, да и не собирался ни с кем состязаться, безотчетно повторяя путь духовных исканий европейских интеллектуалов. Исследовал природу человеческого духа, ясно сознавая, насколько детерминировано одинокое присутствие. Начинал в примордиальной традиции: «Лист бумаги – мой друг, / И перо – ближний круг, / После смерти ведь не / Возвращаются вдруг». Искал истоки, но в рефлексивной апперцепции возвращал к истокам нас: «Скажи, где мышленья и разума келья? / В какой они форме находятся в теле? / Знать, нравиться, верить – причуды рассудка, /

Когда от них польза бывает на деле? / Мы слышим ушами, а плоть осязает, / Мы видим глазами, а нос обоняет, / Язык – орган вкуса. И все их сигналы / Наш разум на пользу иль вред проверяет». И немедленно давал обобщение, рассматривая мышление в целом как предмет философии: «Рождение, смерть – судьбы святая простота, / В середине – жизнь, а за краями – пустота. / Меж двух миров небытия – мираж, / Что именует жизнью чья-то щедрота».

Жизнь и смерть, жизнь после смерти – силовые линии основного противоречия метафизики. О них – продолжительные размышления Шакарима ряда лет: «Нет тишины и нет прозренья, / И нет ни дня без размышленья. / Печалюсь, кровь в себя глотая, / И ночью нет успокоенья. / В раздумьях день я провожаю, / Зари восход с пером встречаю, / Глазами в строки книг впиваясь, / Остатки сил в глуши теряю». Написано в беспрецедентном отшельничестве, в горах, посреди глухой заснеженной степи.

Можно говорить слова о святости и не соблюдать их. Шакарим жил по святости, был глубоко верующим человеком, у него был Всевышний. Казался беспредельно свободным человеком, и люди шли к нему. Он пытался передать им мудрость, потому что ему была ведома правда. Но если б его спросили, каким он видит идеал, подумал бы о Боге. Назвал бы, не исключено, поэта – существо доброй воли. Вспомнил бы Абая. Но мыслил все равно Бога. Помнил, как Абай писал в Слове тридцать восьмом: «Аллах – это путь, а искренность и правдивость – враги зла. Не добиться истины, если в душе нет любви к ней. Человеческие знания добываются любовью к истине, жаждой открытия для себя природы и сути вещей. Это не божье всезнание. Любознательность и стремление к наукам дают человеку знания лишь соразмерные его рассудку» [2, с. 215].

У него всегда были несоразмерно высокие требования к себе. Нещадно бичевал себя за недостатки, в том числе за участие во власти (был несколько сроков волостным управителем), которая отправлялась не всегда однозначно [3]: «Дом жизни возвести хотел я, / Разрушив тысячи домов, / Лишь кирпичи собрать успел я, / Но все промокло до основ. / Не замечал в себе коварства, / Взимая плату, как палач, / Искал я для души лекарство, / Бездомных обращая в плач». Тем не менее и к человеческому роду у него были претензии: «Сколько бы мы ни хвалились, что человек – просвещенное существо, многие люди по сей день не вышли из детского или даже дикого состояния. Ну, не могут сыны человеческие оставить злонамеренность и жить в мире и согласии как близкие люди, не обманывая, не грабя друг друга. Мы бьем себя в грудь, хвастаясь, что мы – культурные, образованные личности XX века, однако на сегодня тело человеческое все еще не есть вместительница чистого разума. И как бы ни хотели мы идти честной дорогой, желая создать рай на земле, по всему миру найдется лишь несколько человек, способных наладить бесконфликтные отношения, но у них вряд ли получится что-то путное. Их заслугами воспользуется какой-нибудь проходимец, подобный волку, нацепившему баранью шкуру. Короче, пока человек не познает со всей ясностью свою душу, он не поймет, кто он такой. А не поняв этого, будет чинить козни себе подобным, на словах отрицая зло, но не пропуская слова через сердце. Можно говорить много слов, но это еще не значит, что человек верует. Если человек в вере, он не творит зло. Муллы, попы, другие религиозные служители ловят в свои силки обывателей, читая проповеди о дружбе, равенстве, братстве, и ничего более. Человек только тогда встанет на путь истинный, когда познает благородство души» [8, с. 30].

В поэме «Жизнь Забытого» Шакарим писал: «Без отца сиротка сам / Перережет пуповину, / – Утверждают голоса / Из пословицы старинной». В этом обращении к древнему изречению чудится не только желание поэта еще и еще раз вернуться к ощущению непоправимого одиночества, опосредующего судьбу. Можно углядеть иносказание: сирота – это казахский народ, оставшийся без поддержки древней истории, лишенный корней, теряющий единство, терзаемый врагами, мучимый безвестностью судьбы. Потому что не только Шакарим одинок. Каждого может посетить одиночество, если индивид вознамерится творить для вечности. Жизнь скоротечна, но еще и опасна, полна неприятных вторжений, мешающих счастью. Человек должен быть готов на самостоятельные шаги чуть не с рождения. Обязан «сам перерезать пуповину» и править судьбу, не перекладывая заботу на посторонних.

Уроки Шакарима – не только в этой метафоре, не в одном иносказании. Его сочинения настолько плотно заселены мыслями, что в них можно потеряться, как в незнакомом городе. Его сын Ахат накрепко запомнил слова отца, сказанные при последней встрече: «Если б думал о своем спокойствии, давно был бы богатым, провел бы жизнь в благодати, добившись звания сильного,

влиятельного лица. Но я родился человеком, сохраняю звание человека! Желая сберечь думы и честь, сохранить в чистоте свое имя, я ушел в уединение. Писал не для своего времени, а для человека будущего. Фундамент человечества – это не только ныне живущие, но и люди будущего. Жизнь всегда обновляется. Если жизнь обновляется, то и человек очищается. Ничто не исчезает без следа, а, изменившись, возвращается. История вечна. Новое время берет из истории все чистое и полезное. Очищенная огнем история, драгоценная, как алмаз, должна стать краеугольным камнем нового времени. Вот я и хотел найти отломанную часть этого камня, и присовокупить к истории» [9, с. 194]. Несомненно, абсолютно характерные для Шакарима мысли. Тот неистребимый романтизм, которым пронизаны его стихи, присутствует и в этой речи.

Много было в человеческой истории проектов создания идеального сообщества – от идеального государства Платона, «Утопии» Томаса Мора, города Солнца Кампанелла до коммунистического общества – незыблемого идеала коммунистов. Однако ни один из них не был реализован, цель – идеальное общество – не была достигнута. Наверное, это правильно, ибо подлинный идеал недостижим, как некая асимптота приближения. Но оригинальные, живые, интересные проекты идеального общества стимулировали человеческую мысль, давали толчок общественному развитию. И в этом смысле проект Шакарима – отнюдь не наивная попытка изменить мир, а самая настоящая философская система, нацеленная на преобразование духа.

Траектории философской традиции

Основополагание души, ее тайное присутствие в человеке, формы связи с вещным миром, роль души в процессе познания – объекты интереса Шакарима, оправдание присутствия в мире. В трактате «О бытие и душе» он вопрошал: «По сей день просвещенные ученые не знают истинно, кто они сами. Разве не поразительно, что, обнаруживая невидимые глазу таинства природы, несвободный человек не осознает свою душу? Если, не поняв, кто мы есть, станем читать научные книги, наподобие трудов по психологии, исследующих бытие и дух, то не только не познаем тайну души, но, запутавшись, не ведая, что нужно искать в книгах, будем блуждать впотьмах. Мы расхваливаем книгу, как самую нужную в познании души, но она не раскрывает нам тайн, оказывается пустышкой, в ней одно слово противоречит другому» [8, с. 28].

Шакарим здесь тестирует впечатления от чтения попавшего ему в руки некоего учебника «Психология». Он решительно не согласен с тем, что в человеке нет ничего такого, что можно было бы именовать душой.

«По этому поводу приведем пример, – писал чингистауский отшельник. – Раньше казахи натягивали на окна бараньи желудки вместо стекол. И что можно было увидеть в таком окне? Или какая разница между мутным отражением и чистым, ровным зеркалом? По большому счету, тело – раб, а душа – хозяин. Или: тело – зеркало, а душа смотрится в него. А тут, не зная с самого начала всего о душе, считая, что она как бы пристроилась по пути, автор, застряв в пяти окнах тела, глубоко не мысля, оставив где-то здравый смысл, преподносит душу – начало всех начал, разумную, созидательную душу, как связанного по рукам и ногам раба тела.

Другая болезнь. Огюст Конт (1798–1857) утверждал: “Не имея точных данных физики, не будем утруждать себя знанием метафизики. Будем считать истинным только то, что обнаруживается органами чувств”. Идеи Конта вылились в течение, названное позитивизмом. Увлеченные им последователи утверждают, что не существует ничего, что не воспринимается пятью органами чувств. Получается, что, зааркавив самые светлые достоинства души – глубокий ум, невзвезданную мысль, словно глядя из казахского окна, затянутого бараньим желудком, они не сумели узреть даже собственную душу» [8, с. 30-31].

Шакарим, надо отдать ему должное, выхватил самую существенную мысль Огюста Конта, принесшую тому, строго говоря, заслуженную славу. Исходный тезис «позитивной философии» – требование не ограничиваться описанием внешнего облика явлений. Конт утверждал, что метафизика, как учение о сущности явлений, должна быть отброшена. Шакарим же формулировал именно первичные, то есть метафизические, вопросы о бытие и душе. С Контом, конечно, не соглашался. По-видимому, именно в этот момент он задумал посвятить проблеме книгу, ею стали «Три истины» [6]. В трактате «О бытие и душе» содержится, по сути, анонс: «Книга, написанная о душе, должна открыться только чистому разуму, когда ее читают и разбирают непредвзято, не уходя ни в религию, ни в науку. Тут не нужны никакие приспособления, ни машины, ни

электричество. Я об этом подумал не сейчас. Это истина, установленная в ходе поисков пользы от сынов человеческих, когда в течение тридцати лет, проведенных в думах, исканиях, я будто разбирал камни старых могил, словно ложкой черпал годы, точно иглой копал колодец... И какими бы вы ни были последователями Огюста Конта, не наговаривайте на религию, на шариат, рассуждая о вере. Но и не уподобляйтесь тем богословам и святым, которые готовы объявить неверным любого, кто находит в религии изъяны. Веря глазам своим, не ограничивайтесь этим, распахните глаза души!» [8, с. 31]

Шакарим совершенно осознанно конструировал в онтологическом модусе новую для казахской философской традиции систему, продлевая экзистенциальный опыт Абая. Он был не просто родственником Абая, но – учеником, соратником, последователем, хранителем и продолжателем творческих традиций, заложенных учителем [7]. Близкие отношения удостоверяются постоянным общением, участием в одних и тех же родовых, общественных мероприятиях, а также произведениями двух творцов, поэтов и философов, когерентные творческие замыслы и свершения которых говорят о сродстве нравственных, духовных, эстетических, моральных, этических принципов [10]. Сильные корреляционные связи служат ферментом, располагающим к прояснению различия в сущем, в присутствии, что важно для дня сегодняшнего, когда развитие традиции означает, прежде всего, защиту ценностей, казахского языка не в последнюю очередь.

Традиционное общество консервативно. К переменам относится настороженно. Вторжение в пределы национальной парадигмы сродни интервенции. Философские взгляды Абая и Шакарима стали иконой традиционализма, которую следует оберегать от любого покушения. Ибо мировосприятие нации модулировано страшной катастрофой, случившейся в начале 1930-х гг.

В результате насильственной коллективизации, которая началась после принятия 27 августа 1928 г. на заседании ЦИК и СНК республики постановления «О конфискации байских хозяйств», кочевые казахи лишились скота – основного средства поддержания жизни в степи и базы ведущего способа производства: кочевого скотоводства. В целом по Казахстану с 1928 по 1932 г. численность крупного рогатого скота сократилась с 6 млн 509 тыс. до 965 тыс. голов, овец – с 18 млн 566 тыс. до 1 млн 386 тыс. голов, лошадей – с 3 млн 616 тыс. до 416 голов, верблюдов – с 1 млн. 42 тыс. до 63 тыс. голов [10]. Кочевая структура казахского общества, по сути, была разгромлена. Начался массовый голод. В результате в 1931-33 гг. в республике, по ряду данных [12], погибли от голода 2 миллиона казахов, или половина всей численности казахского населения на тот момент. Погибли еще 200–250 тыс. казахстанцев других национальностей. Миллион человек откочевали, ушли в годы голода за пределы Казахстана, из них 616 тыс. безвозвратно. Ушли в Китай, Монголию, Ирак и Афганистан. Ушли в соседние республики – в Россию, Узбекистан, Туркмению.

Подавленный страшной бедой, казахский народ почти не заметил, как лишился интеллектуальной элиты. В течение 1930-х гг. были обвинены в политических и уголовных преступлениях сотни образованных политиков, творческих людей, общественных деятелей. Многие были расстреляны, обвиненные в измене родине. Остальные были отправлены в лагеря, где тоже находили смерть.

Был убит чекистами прямо в степи Шакарим, обвиненный в выступлении против советской власти. Были уничтожены, по сути, все деятели Алашорды. Репрессированы 4297 членов партии «Алаш». Остались живы единицы, лишь несколько алашординцев успели эмигрировать. Всего в Казахстане службой ОГПУ-НКВД были «разоблачены» 183 организации с общим числом «агентов» – 3720 человек. С 1920 г. по 1953 г. было подвергнуто политическим репрессиям около 110 тыс. человек. Имя Шакарима, одного из членов правительства Алашорды, на долгие годы попало под запрет.

Трагедия наложила неизгладимый отпечаток на мировосприятие, характер, психику казахов, принужденных сменить образ жизни и только в памяти хранить традиции уходящего кочевья. В таком ракурсе линия философской традиции Абая и Шакарима – это онтология перелома, бытие-в-мире кочевья, соединяющая сегодня историческое чувство и социальную активность.

Современная философия, опираясь на духовный опыт человечества, углубляя его рефлексией в век стремительного развития естественных наук, обладает сегодня настолько значительным потенциалом,

что возникновение новых самобытных философских систем кажется явлением архаичным и несбыточным. Более того, категориальный аппарат философии становится все более развитым и специализированным, что расширяет (и отягощает) структуру познания. И в какой-то момент может возникнуть ощущение, что философия оставляет без внимания фундаментальные проблемы, опосредующие «вечные» вопросы, которых, впрочем, сняты в современном подходе к интерпретации бытия. Между тем вопросы присутствия-в-мире по-прежнему вызревают в процессе познания, и неопиты не довольствуются историческим опытом, а ждут ответа от философов, которые должны пребывать, по старинному представлению, в уединении и напряженных думках. Возможно, как раз в старине все дело. Мыслители прошлого, не перегруженные проблемами специальных наук, имели счастье, как Шакарим, мыслить начала, не страшась философского одиночества, не опасаясь прослыть метафизиками. В пределе чистые идеи и системы рождались в полном отшельническом уединении, которое не обязательно искать в средних веках.

И не обязательно строго соблюдать соответствие современным западным философским системам. Возможно, правильнее выстраивать национальную философскую мысль, как и во времена Шакарима, в самобытной системе. Причем в международном дискурсе интересна именно национальная традиция. В широкое поле мирового философского диалога не выйти, не пройдя ту самую горловину, не преодолев поле тяготения традиций, обаяние учений Абая и Шакарима.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Нысанбаев А.Н., Курманбаев Е.А. Феномен художественной правды: антроподицея Абая // Человек. – 2013. – №6. – С. 163-177.
- [2] Кунанбаев А. Книга слов. – Алматы: ЕЛ, 1993. – С. 215.
- [3] Сыдыков Е.Б., Курманбаев Е.А. Дополнение к образу: Абай – волостной управитель // Доклады Национальной академии наук Республики Казахстан. – 2013. – №2. – С. 88-95.
- [4] Худайбердыоглы Ш. Прошу ответить на мои пять вопросов // Айкап. – Троицк, 1912. – № 5 (каз.).
- [5] Гегель Г.В.Ф. Наука логики. – СПб.: Наука, 1997. – 800 с.
- [6] Кудайбердиев Ш. Три истины. – Алматы: Казахстан, 1991. – 80 с.
- [7] Сыдыков Е.Б. Шакарим. – М.: Молодая гвардия, 2012. – 352 с.
- [8] Кудайбердыулы Ш. О бытие и душе // Абай. – 1994. – № 9. – С. 28–31 (каз.).
- [9] Шәкерімұлы А. Менің әкем, халық ұлы – Шәкерім / Шәкерімтану мәселелері. Т. 1. – Алматы: Раритет, 2007. – 145-242 б.
- [10] Сыдыков Е.Б. Корреляция ментальных скрепов жизни и творчества Абая и Шакарима // Доклады Национальной академии наук Республики Казахстан. – 2014. – №2. – С. 75-93.
- [11] Куандык Е. Трагедия конфискации в Казахстане // Тамыр. – 2002. – №2. – С. 16-24.
- [12] Абылхожин Ж.Б., Козыбаев М.К., Татимов М.Б. Казахская трагедия // Вопросы истории. – 1989. – №7. – С. 53-70.

REFERENCES

- [1] Nysanbaev A.N., Kurmanbayev E.A. The phenomenon of artistic truth: // anthropodicy Abay man. - 2013. - №6. - p. 163-177. (in Russ.).
- [2] Kunanbayev A. Book of words. - Almaty: EL, 1993. - p. 215. (in Russ.).
- [3] Sydykov E.B., Kurmanbayev E.A. Supplement to the image: Abay - parish steward // Reports of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan. - 2013. - №2. - p. 88-95. (in Russ.).
- [4] Hudaiberdyogly Sh. Please, reply to my five questions // Aikap. - Troitsk, 1912. - № 5 (in Kaz.).
- [5] Hegel G. Science of Logic. - SPb.: Nauka, 1997. - 800 p. (in Russ.).
- [6] Kudaiberdiev Sh. Three truths. - Almaty: Kazakhstan, 1991. - 80 p. (in Russ.).
- [7] Sydykov E.B. Shakarim. - M.: Young Guard, 2012. - 352 p. (in Russ.).
- [8] Kudaiberdyuly Sh. About being and soul // Abay. - 1994. - № 9. - p. 28-31 (in Kaz.).
- [9] Shakarimuly A. My father, the son of the people, - Shakarim / Shakarimtanu. V. 1.: Raritet, 2007. p. 145-242. (in Kaz.).
- [10] Sydykov E.B. Correlation of mental scrapie life and creativity of Abai and Shakarim // Reports of the NAS RK. - 2014. - №2. - p. 75-93. (in Russ.).
- [11] Kuandik E. Tragedy confiscation in Kazakhstan // Tamyр. - 2002. - №2. - p. 16-24. (in Russ.).
- [12] Abylhozhin Zh.B., Kozybaev M.K., Tatimov M.B. Kazakhstan tragedy // Questions of history. - 1989. - №7. - p. 53-70. (in Russ.).

ҚАЗАҚ ФИЛОСОФИЯРЫҢ ШЕТТЕРІ: АБАЙДАН ШӘКӘРІМГЕ ДЕЙІН

Е.Б. Сыдыков¹, А.Н. Нысанбаев², Е.А. Құрманбаев³

- ¹ Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті, Астана қ.
² ҚР БҒМ ҒК Философия, саясаттану және дінтану институты, Алматы қ.
³ Қазақ инновациялық гуманитарлық-Заң университеті, Семей қ.

Түйін сөздер: ұлттық философия, қазақ философия дәстүрі, экзистенция, Абай, метафизика, Шәкәрім.

Аннотация. Қазақы ұлттық фәлсафа дискретті, нақышты, дербес, сонымен қатар бастамасы да өзіндік ерекше. Ғасырларға тамырын терең тарта отырып, ол ежелгі түркілердің ауызша мифопоэтикалық дәстүрінде қалыптасқан. Көшпенді қауымда негізінен ауызша нысанда берілген. ХІХ ғасырдың ортасынан бастап қана қазақ ойшылдарының басылған жұмыстары жүйелі түрде пайда болып, фәлсафалық дәстүр жазбаша нысанға көше бастады. Бетбұрыс кезеңін бірінші кезекте қазақы көшпенділік әлемінің жаһандық байланыстылық метафизикасы мен өзіне тән онтологиясын кеңінен аша түсетін Абай мен Шәкәрімнің келуі ашты. «Бетбұрыс кезеңінің» трагедиясы фәлсафаның экзистенциалды модусын алдын ала анықтап, оны ақпараттық дәуірге дейін ұзартты. Мүмкін, фәлсафалық дәстүрді өзіндік ерекше жүйелерде жалғастыру керек болар. Бірақ оның бастапқы кезеңін қарастырмастан және дәстүрлердің тартылыс алаңын, Абай мен Шәкәрім ілімдерінің әсерін сезінбестен жалпы фәлсафалық дискурс алаңына шыға алмаймыз.

Сведения об авторах:

Нысанбаев Абдумалик Нысанбаевич, профессор, академик Национальной академии наук Республики Казахстан, советник директора Института философии, политологии и религиоведения Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан, Алматы.

Телефон: +77272724486; e-mail: iphp@inbox.ru.

Сыдыков Ерлан Батташевич, доктор исторических наук, профессор, ректор Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилева, г. Астана.

Адрес: 010000, г. Астана, ул. Мунайтпасова, 5. Телефон: +77172353900; e-mail: rector@enu.kz.

Курманбаев Ербол Асылханович, кандидат физико-математических наук, директор научного центра Казахского гуманитарно-юридического инновационного университета, г. Семей.

Телефон: +77017528768; e-mail: erbol_k@bk.ru.

Поступила 11.09.2015 г

**PUBLICATION ETHICS AND PUBLICATION MALPRACTICE
IN THE JOURNALS OF THE NATIONAL ACADEMY OF SCIENCES
OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN**

For information on Ethics in publishing and Ethical guidelines for journal publication see <http://www.elsevier.com/publishingethics> and <http://www.elsevier.com/journal-authors/ethics>.

Submission of an article to the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan implies that the work described has not been published previously (except in the form of an abstract or as part of a published lecture or academic thesis or as an electronic preprint, see <http://www.elsevier.com/postingpolicy>), that it is not under consideration for publication elsewhere, that its publication is approved by all authors and tacitly or explicitly by the responsible authorities where the work was carried out, and that, if accepted, it will not be published elsewhere in the same form, in English or in any other language, including electronically without the written consent of the copyright-holder. In particular, translations into English of papers already published in another language are not accepted.

No other forms of scientific misconduct are allowed, such as plagiarism, falsification, fraudulent data, incorrect interpretation of other works, incorrect citations, etc. The National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan follows the Code of Conduct of the Committee on Publication Ethics (COPE), and follows the COPE Flowcharts for Resolving Cases of Suspected Misconduct (http://publicationethics.org/files/u2/New_Code.pdf). To verify originality, your article may be checked by the originality detection service Cross Check <http://www.elsevier.com/editors/plagdetect>.

The authors are obliged to participate in peer review process and be ready to provide corrections, clarifications, retractions and apologies when needed. All authors of a paper should have significantly contributed to the research.

The reviewers should provide objective judgments and should point out relevant published works which are not yet cited. Reviewed articles should be treated confidentially. The reviewers will be chosen in such a way that there is no conflict of interests with respect to the research, the authors and/or the research funders.

The editors have complete responsibility and authority to reject or accept a paper, and they will only accept a paper when reasonably certain. They will preserve anonymity of reviewers and promote publication of corrections, clarifications, retractions and apologies when needed. The acceptance of a paper automatically implies the copyright transfer to the National Academy of sciences of the Republic of Kazakhstan.

The Editorial Board of the National Academy of sciences of the Republic of Kazakhstan will monitor and safeguard publishing ethics.

Правила оформления статьи для публикации в журнале смотреть на сайте:

www.nauka-nanrk.kz

<http://www.reports-science.kz/index.php/ru/>

Редакторы *М. С. Ахметова, Д. С. Аленов, Т.А. Апендиев*
Верстка на компьютере *С.К. Досаевой*

Подписано в печать 05.12.2015.

Формат 60x881/8. Бумага офсетная. Печать – ризограф.

16,8 п.л. Тираж 2000. Заказ 6.